И.А. Мироненко

ОБ ИСТОЧНИКАХ СОМНЕНИЙ В ПРОГРЕССЕ ПСИХОЛОГИИ

Каковы источники и причины «методологических комплексов» нашей науки? Ответ, по мнению автора, лежит не в плоскости сравнения психологии с другими науками, но в контексте проблем более общего порядка, порожденных современностью. «Перманентное ощущение кризиса», атрибутом которого являются сомнения в прогрессе нашей науки, проявляющиеся а) как ощущение сомнительности происходящего в ней «прогресса» и б) в форме сомнений в реальности и перспективах подлинного прогресса психологии, – порождается комплексом важнейших и болезненных противоречий современной культуры. Именно психология призвана дать ответ на наиболее острые поставленные временем вопросы в силу своего статуса науки о человеке во всей полноте и противоречивом единстве сторон и форм его бытия. Прогресс психологии поэтому объективно необходим и неизбежен в контексте современного развития человеческой культуры. Именно психология сейчас востребована как никакая другая наука и ее «методологические комплексы» – не что иное, как болезни роста, сопутствующие неизбежному и ускоряющемуся – однако не всеобщему и не равномерному, применительно к разным направлениям и школам, – прогрессу.

Ключевые слова: прогресс, культура, цивилизация, виртуализация, школы в психологии, кризис.

В современных дискуссиях о прогрессе психологии, на мой взгляд, самым интересным является то, что прогресс этот вызывает сомнения, несмотря на множество убедительных доказательств и очевидных свидетельств его наличия.

Оценивая состояние и успехи нашей науки, психологи нередко обращаются к сравнению ее с естественными науками как с неким эталоном. Замечательным примером является статья А.В. Юревича «Методологический либерализм в психологии» [15]. «Одна из главных особенностей методологического самосознания психологов, сопровождающая их науку с момента ее официального рождения, состоит в перманентном ощущении кризиса» [15, с. 3], – пишет А.В. Юревич, и далее: «В основе кризисного самосознания психологии... лежит сравнение с “благополучными” ...естественными науками, как правило, имеющее результатом “комплекс” непохожести на них и прочие методологические “комплексы”» [15, с. 6]. А.В. Юревич последовательно анализирует «методологические комплексы» психологии, корни которых он видит в том, что психологи усматривают различия между психологией и естественными науками: «во-первых, в хаотичном состоянии психологического знания – его неупорядоченности, некумулятивности и т.п., во-вторых, в различии систем объяснения, в-третьих, в дефиците практических возможностей психологии, в-четвертых, в недостатке ее прогностических возможностей» [15, с. 7], – и приходит к выводу, что рациональных оснований, для того чтобы констатировать существенные отличия психологии от естественных наук, нет ни по одному из названных параметров. Психология «не имеет сколь-либо принципиальных отличий от естественных наук, и *когнитивные* основания для вынесения ей тяжелого диагноза – о том, что она находится в глубоком кризисе, – отсутствуют. Основания же для этого – преимущественно психологические:

психология, не имея принципиальных методологических отличий от других наук, обладает специфическим и неадекватным *самовосприятием*» [15, с. 12]. А.В. Юревич рекомендует психологии «*рациональную методологическую терапию*, в основе которой должна лежать коррекция, во-первых, ее Я-образа, во-вторых, образа естественных наук» [15, с. 13]. В контексте «рациональной методологической терапии» А.В. Юревич обращается к образу прошлого и будущего психологии и приходит к выводу, что «...общая траектория развития психологической науки – это не бесконечное топтание на месте, а постоянный прогресс» [15, с. 14].

Блестящий анализ, проведенный А.В. Юревичем, на мой взгляд, делает излишним поиск новых аргументов в пользу искренне разделяемой мною точки зрения: **психология ничем не хуже естественных наук и прогресс в ней не менее очевиден, но оставляет открытым вопрос: почему же именно психология переживает такие болезненные сомнения по поводу наличия–отсутствия прогресса в ее развитии?** Каковы источники и причины ее «методологических комплексов»? Почему уязвлено ее «методологическое самосознание»?

Ответ на этот вопрос, мне кажется, лежит не в плоскости сравнения психологии с другими науками, но в контексте проблем более общего порядка, порожденных современностью. Психология является частью науки в целом, наука – часть человеческой культуры, культура в свою очередь представляет собой один из аспектов бытия человечества. Сомнения в прогрессе психологии возникают не тогда, когда мы оцениваем прогресс психологии относительно других наук. Эти сомнения являются закономерным проявлением затруднений, возникающих сегодня при попытках **дать оценку прогрессу науки в контексте развития человеческой культуры и оценить прогресс современной культуры в контексте жизни человечества.**

Здесь обнаруживается ряд острых противоречий, актуальных и болезненных проблем, возникших в результате радикальных изменений, которым подверглась и подвергается на протяжении последних десятилетий жизнь людей. Эти актуальные проблемы современности самым непосредственным образом затрагивают психологию как в части ее предметной области, так и в части практических применений и «методологического самосознания». Это и порождает те самые «методологические комплексы», то самое «перманентное ощущение кризиса», атрибутом которого являются сомнения в прогрессе нашей науки, которые проявляются: **а) как ощущение сомнительности происходящего в ней «прогресса» и б) в форме сомнений в реальности и перспективах подлинного прогресса психологии.**

I. Сомнительность прогресса?

Во-первых, к мысли о сомнительности прогресса психологии приводит дивергенция представлений о ценностях в контексте развития современной культуры. Как писал еще Н.К. Михайловский (1842–1904 гг.), наука, которая обращается к анализу человека как личности, к анализу социальных явлений, неизбежно не просто вскрывает причины и необходимость исследуемого процесса, но и оценивает его с точки зрения «желательности», «идеала». Он так пояснял эту мысль: «Коренная и ничем неизгладимая разница между отношениями человека к человеку и к остальной природе состоит, прежде всего в том, что в первом случае мы имеем дело не просто с явлениями, а с явлениями, тяготеющими к известной цели, тогда как во втором цель эта не существует. Различие это до того важно и существенно, что само по себе намекает на необходимость применения различных методов к двум великим областям человеческого ведения» (цит. по [1, с. 28]). И далее: «Мы не можем общественные

явления оценивать иначе, как субъективно» [1], т.е. через идеал справедливости. Поэтому в качестве первой из причин, вызывающих сомнения в отношении прогресса психологии, следует назвать то смятение в отношении идеалов и ценностей («целей» – у Н.К. Михайловского), свидетелями которому мы являемся в современном мире, осознающем себя в своей мультикультуральности, множественности цивилизаций, основанных на различных системах ценностных ориентаций. Сказки об общечеловеческих ценностях уже мало кого убаюкивают, в то же время налицо отсутствие психологической готовности людей адекватно понимать друг друга и взаимодействовать в ситуации множественных и неопределенных ценностных ориентиров. Психологическая наука как никакая иная прямо поставлена самой жизнью перед лицом факта **отсутствия общечеловеческих ценностей, по отношению к которым можно было бы оценивать прогресс, в том числе прогресс психологии.**

Сама психологическая наука, как становится очевидным, весьма разнородна в отношении ценностных ориентаций, как терминальных, так и инструментальных. В концепциях разных школ существенно различаются представления о том, что является основной функцией психики, для чего и почему психика возникла в эволюции (свидетельством чему является в частности ведущаяся на страницах отечественных журналов дискуссия о предмете психологии). Различаются представления о сущности и идеале человеческой личности в различных психологических теориях. В процессе интеграции мировой науки обнажаются аксиоматические основания различных теорий – по сути своей ценностные, соотнесенные с идеалами культуры, в контексте которой та или иная теория создавалась. Не менее остро стоит проблема дивергенции ценностей в психологической практике. Так, на съезде психологов России в 2003 г. обсуждалась необходимость декларирования целей психологом-консультантом, чтобы клиент мог осознанно осуществить выбор вида предлагаемой психологической помощи. Таким образом, можно отметить, что сама разработка психологией актуальных вопросов дивергенции ценностных ориентаций в современной культуре становится источником болезненных субъективных переживаний в области профессионального самосознания психолога и служит основой соответствующего «методологического комплекса».

Во-вторых, важным источником сомнений в прогрессе психологии являются остро обозначившиеся в современном мире **противоречия между культурой и цивилизацией, между прогрессом материальным и духовным**.

Все более отчетливо звучит в трудах современных культурологов мысль о том, что современное развитие цивилизации, понимаемой сейчас прежде всего как материальная сторона жизни общества, научно-технический прогресс, уровень жизни общества и потребляемые блага, в определенных случаях и аспектах разрушает культуру, влечет за собой снижение ее уровня. Так, стало уже стереотипом общественного сознания, что «приобщение к цивилизации» обществ, которые вели достаточно примитивный в смысле материальной стороны образ жизни, нередко приводит к духовному опустошению и снижению до уровня подлинного варварства духовного облика их членов.

Становится также очевидным, что в сложившемся противостоянии культуры «массовой» и культуры «высокой», элитарной, т.е. подлинной, «цивилизация» перетягивает канат на сторону массовой культуры. Цивилизация традиционно противопоставлялась культуре народной, в то же время, понятие массовой культуры как чего-то качественно отличного от культуры подлинной как раз порождено

цивилизацией. Поэтому можно сказать, что так называемая массовая культура противостоит как культуре элитарной, так и народной[1]. Можно утверждать, что именно современная цивилизация превратила имеющиеся в каждом обществе неоформившиеся ростки культурных тенденций, в чем-то архаичных, в мощного и опасного монстра, подобно тому, как человеческим гением из ДНК лягушек и древних окаменелостей были созданы динозавры в «Парке Юрского периода» С. Спилберга.

В отношении возможно разрушающего влияния научно-технического прогресса на культуру примером является и имеющая место у существенной части молодого поколения утрата привычки и навыка серьезного чтения как следствие распространения новых информационных технологий. Можно с уверенностью говорить, что достаточно большой процент образованных молодых людей испытывают серьезные затруднения в восприятии и понимании традиционной письменной речи с ее усложненными языковыми правилами, оборотами, как в сфере научной литературы, особенно в гуманитарных науках, так и применительно к литературе художественной. Вопрос преемственности в области культуры, носителем которой традиционно являлась именно письменная речь, становится неочевидным, что вызывает существенную тревогу.

Болезненные проблемы столкновения и противоречий тенденций в развитии цивилизации и культуры в современном обществе как никакую другую науку поражают и буквально разрывают на части психологию, область которой, как известно, лежит на перекрестке естественно-научного знания, в большей степени реализуемого в области «цивилизации», и гуманитарного, непосредственно отнесенного к «культуре». Это также становится основой соответствующего «методологического комплекса» и порождает сомнения в прогрессе нашей науки.

Обратимся теперь к еще одному – *третьему* в нашем анализе – источнику сомнений в прогрессе психологии, к еще одной актуальной проблеме, занимающей умы современников, – к противоречиям в оценке места и роли культуры в обеспечении будущего человечества и в целом к утрате веры в благотворность развития науки для человечества. Эти противоречия непосредственным образом затрагивают психологию как в отношении ее предметного поля, так и в отношении методологического самосознания.

Следует отметить, что в истории философии существует три взгляда на направленность и качество развития общества, это теории прогресса, регресса и циклического развития. Однако с древности до последнего времени – всегда – вера в будущее человечества основывалась на вере во всесилие рационального мышления, перспективы человеческого общества связывались с развитием разума, с развитием науки и культуры. Даже такой мыслитель, как З. Фрейд, убежденный в том, что «человеческий интеллект бессилен в сравнении с человеческими влечениями», надежды на прогресс человечества связывал все же именно с интеллектом, с развитием науки. В одной из поздних своих работ – «Будущее одной иллюзии» – он утверждает, что хотя человеческий интеллект слаб, но «...есть что-то необычное в этой слабости: голос интеллекта тих, но он не успокаивается, пока не добьется, чтобы его услышали. В конечном счете, ничто не может противостоять разуму и опыту...» [12, с. 140]. З. Фрейд приходит к оптимистичному заключению: «Мы верим в то, что наука

[1] *Определение из «Международной энциклопедии социальных наук»: Цивилизация – категория, используемая антропологами в противопоставлении понятию примитивной или народной культуры человечества* (цит. по [10, с. 12–14]).

в труде и исканиях способна узнать многое о реальности мира, благодаря чему мы станем сильнее и сможем устроить свою жизнь» [12, с. 141].

На протяжении жизни ныне живущего поколения[1] впервые в истории вера в благотворность цивилизации и культуры, общий взгляд на науку, как на опору и основу прогресса человечества, были поколеблены. На фоне возрастающего влияния науки на жизнь людей возникло и распространилось представление о том, что рациональное познание несет в себе угрозу человечеству. Потенциальная сила воздействия отдельных решений, принимаемых людьми, непосредственно связанными с «рычагами» научно-технического прогресса, на ход событий в масштабах планеты растет вместе с ускорением хода истории. В середине XX в. Курт Воннегут в романе «Колыбель для кошки» показал ученого, который совершил открытие, приведшее к гибели мира, буквально не ведая, что он творит. Сознание творца «льда-9» вмещало лишь академическую сторону его исследований и детали собственной частной жизни. Это был роман-предостережение, которым писатель хотел привлечь внимание современников к проблеме. К концу XX в. переворот в общественном сознании совершился. Человечество достигло понимания того, что наука и технический прогресс не являются абсолютным благом не только для отдельного человека или сообщества, которые могут пострадать так или иначе в процессе приобщения к «цивилизации», но и для человечества в целом. Тема зла, которое несет наука, – одна из наиболее популярных сегодня на рынке стереотипов массовой культуры: в сценариях фильмов и т.п.

Миф о безотносительной полезности науки развеян, и ему на смену уже пришел новый миф – о сверхценности «природных», отчасти утраченных с развитием цивилизации, приемов и способов выживания. О том, в какой мере мифологична идеализация «природных» способностей человека к выживанию и насколько человечество своим положением доминирующего вида на Земле действительно обязано науке как особой форме детерминистского, рационального, эмпирически проверяемого познания, можно судить, например, по следующим фактам: «Ускоренный рост численности населения начался примерно 8000 лет назад с развитием земледелия, благодаря которому стала возможной жизнь в городах. В нынешнюю фазу, характеризующуюся колоссальным ростом численности населения и освоением все новых районов, человечество вступило лишь в самое последнее время, с развитием индустриализации... Общее число людей в эпоху неолита определяют примерно в 5 млн, а в период появления первых крупных городов – в 20–40 млн. Современному виду Homo sapiens потребовалось около 20 000 лет, чтобы достичь численности 200 млн (во времена Римской империи). В последующие 1500 лет (к 1600 г. н.э.) население земного шара возросло до 500 млн, спустя еще 200 лет – более чем удвоилось (около 1 млрд в 1800 г.). В наши дни на Земле проживает около 3 млрд человек» [13, с. 582]. Не стоит забывать и о колоссальном увеличении продолжительности жизни человека на протяжении жизни последних нескольких поколений.

Авторы изданной Оксфордским университетом в 1977 г. монографии «Биология человека» [13] отмечают: «Человек как

[1] Известный американский футуролог А. Тоффлер предложил последние 50 тысяч лет существования человечества измерить числом поколений, каждое продолжительностью жизни в среднем 62 года. Получилось около 800 таких поколений, из которых 650 жили в пещерах. Лишь два последних поколения людей пользуются электромотором, а подавляющее большинство всех материальных ценностей и приспособлений, которыми мы пользуемся, были созданы на протяжении жизни лишь последнего поколения.

биологическое существо добился решающего успеха лишь недавно, лишь в самое последнее время. Люди обычно забывают или недостаточно ясно представляют себе, насколько непрочным было их положение на Земле в первые тысячелетия их существования» [13, с. 8].

Таким образом в современном мире вопрос о месте и значении научного познания, культуры в целом, в контексте проблемы выживания и адаптации человечества стал не просто дискуссионным – это вопрос веры и суеверия, область функционирования эмоционально насыщенных стереотипов массового сознания. Это вопрос, борьба мнений в отношении которого стала борьбой идеологической. И снова именно психология в наибольшей степени оказалась под ударом произошедшего разлома в общественном сознании. В силу своего статуса науки одновременно и о природе человека, и о человеческом познании, о видах и формах человеческой деятельности и жизнедеятельности она оказывается единственной наукой, прямо и непосредственно имеющей внутри своего предметного поля проблему потенциального противоречия прогресса человеческой культуры и выживания человечества. Психология поставлена самой жизнью перед вызовом этой проблемы, значимость которой и сложность служат фактором колоссального методологического напряжения в нашей науке, которому сопутствуют «методологические комплексы» и сомнения в ее прогрессе.

Еще один, *четвертый* из называемых нами, источник сомнений в прогрессе психологии – это **противоречия во взаимосвязи прогресса человеческого индивидуума и человеческого общества в современной культуре.** Практически неизменным на протяжении веков в истории философии остается представление о прямой связи прогресса общества и блага отдельного индивидуума. Вредное влияние общества на человека трактуется как результат неправильного, требующего исправления общественного строя. Типичным примером является теория К. Маркса. К. Маркс исходит из взгляда на человека как на существо цельное, «неотчужденное», доброе, рациональное. Для того чтобы изначальные положительные качества человека проявились, необходимо преобразовать современное К. Марксу общество. В будущем коммунистическом обществе, как верит К. Маркс, человек, преодолевая отчуждение, вернется на новой, более высокой ступени к своему исходному и подлинному состоянию. Отличие этого нового «золотого века» от первобытного общества заключается в том, что здесь «неотчужденность» базируется на безграничном росте производительных сил, всемогуществе человека и невиданном изобилии. Высшая цель общественного развития по К. Марксу – развитие личности.

В XX в. вера в то, что прогресс общества является благом для индивидуума, была поколеблена, а в современный период ее можно считать утраченной. Причиной коренных изменений представлений о взаимосвязи блага индивидуума и общества стало то, что к началу XX в. отношения между индивидуумом и обществом приобретают совершенно новый, доселе невиданный характер. Общая тенденция ускорения исторического процесса привела к тому, что смена поколений уже не успевала за радикальными изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда на глазах коренным образом меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, представления о том, как следует поступать в той или иной ситуации. Приспособиться к опережающим изменениям в культуре – становится сверхзадачей, для решения которой индивид должен употребить все силы, часто подорвать душевное здоровье, внутреннюю гармонию.

В XX в. в психологической науке закономерно возникают и крепнут сомнения в благотворности общественного прогресса для индивидуального развития человека. К.Г. Юнг еще в первой половине XX в. приходит к заключению: прогресс общества покупается ценой своего рода культурных увечий человеку, нарушения природного равновесия в нем различных способностей. Общество, по его мнению, добиваясь своего прогресса, использует человека в его профессиональной деятельности всегда односторонне, лишь определенная группа психических функций при этом оказывается задействованной и развиваемой. К тому же обычно востребованы как раз те функции, которые и от природы более сильны. Юнг полагает, что такое одностороннее развитие нарушает природную сбалансированность личности, порождает дисгармонию и страдания. «Как порабощение массы было открытой раной античного мира, так рабство неполноценных функций является неизлечимой кровавой раной в психическом современного человека» [14, с. 108], – заключает он. К.Г. Юнг цитирует Ф. Шиллера: «Я ясно вижу преимущества, которые нынешнее поколение, рассматриваемое как единое целое, имеет на весах рассудка перед лучшими мужами прошлого. Однако состязание должно начаться сомкнутыми рядами и целое должно быть сравниваемо с целым. Кто же из новых выступит вперед, дабы сразиться один-на-один на приз человечества с каким-либо афинянином?» (Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека, цит. по [14, с. 105]).

В конце XX в. то, что прогресс человечества не обязательно предполагает прогресс человеческого индивидуума, стало очевидным и перешло в область стереотипов общественного сознания. Популярным сюжетом «ужастиков» стало превращение людей в монстров-мутантов и т.п. безумными учеными, стремящимися к прогрессу.

Вопрос о возможной расплате человеческого индивидуума за прогресс человечества, порождающий неразрешимые и мучительные противоречия в общественном сознании, непосредственно относится к предметной области психологии, зона практических применений которой находится на пересечении потенциально противоречивых интересов индивидуума и общества. Рефлексия имеющих место здесь противоречий порождает «методологические комплексы» и ощущения сомнительности прогресса психологической науки.

И еще один, *пятый* в нашем анализе, источник сомнений в прогрессе психологии, еще один разлом общественного сознания кажется необходимым затронуть. Данная проблема среди уже названных кажется наиболее новой, порожденной последними событиями в развитии мировой цивилизации. Она также непосредственно относится к вопросу о месте и роли культуры в обеспечении перспектив человечества. В 1984 г. М.К. Мамардашвили писал: «...среди множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX в., одной из главных и часто скрытой от глаз является антропологическая катастрофа, проявляющаяся совсем не в таких экзотических событиях, как столкновение Земли с астероидом, и не в истощении ее естественных ресурсов или чрезмерном росте населения, и даже не в экологической или ядерной трагедии. Я имею в виду событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в связи с разрушением или просто отсутствием цивилизованных основ процесса жизни» [4, с. 107]. В чем же заключаются та антропологическая катастрофа, которой опасается М.К. Мамардашвили?

На мой взгляд, в психологическом аспекте речь в его статье идет о совершающемся отрыве «поля значений» от «поля

смыслов» в процессе того, что сейчас называют виртуализацией современной цивилизации [2]. Виртуализация общества, в 80-е гг. лишь едва наметившаяся как тенденция, а теперь ставшая очевидной реальностью, – это радикальная трансформация способа существования нашей цивилизации, порожденная развитием компьютерных технологий (прежде всего технологий виртуальной реальности) и проникновением их во все сферы жизни общества. Процессы производства и потребления приобретают характер «дискурса» – знаковой манипуляции. В условиях массового производства и массового потребления товар – это прежде всего знак. Социальный статус товарного знака определяет, каких денег стоит вещь, а не ее реальные свойства и не затраты труда. «Знаки» не обмениваются больше на «означаемое», они замкнуты сами на себя, человек имеет дело уже не с вещью, а с симуляцией (изображаемым). Общение в виртуальном мире происходит не между реальными личностями, с их реальными статусами в общей, разделяемой, реальности, а между выдуманными, изображаемыми героями, становится знаком реального в ситуации утраты самой реальности.

В процессе виртуализации традиционно понимаемая основа человеческого сознания как единство общественного, общеразделяемого, реального слова и дела оказывается под угрозой. Человеческое сознание в психологии традиционно рассматривалось как феномен, возникший из общей, коллективной деятельности, в процесс которой каждый вносил свой вклад, выполняя свою специфическую задачу и в процессе которой совместными усилиями достигался реальный результат, позволявший всем удовлетворить свои реальные потребности. Индивидуальные смыслы, замкнутые на реальность, прямым и непосредственным образом здесь имеют очевидную зону пересечения в реальности же – коллективное потребление плодов коллективной деятельности. Общие для всех значения также коренятся в этой зоне пересечения смыслов, обеспечивая связь с реальностью и адекватность человеческим смыслам человеческой культуры, языка, – единство и неразрывность общественного и индивидуального сознания. В этом смысле М.К. Мамардашвили говорит о «фундаментальной двоичности сознания». Это неразрывная диалектическая связь реальности коллективного бытия и его отражения в человеческом сознании. М.К. Мамардашвили говорит о коллективном характере (образ «агоры»[1]) человеческого искания истины, человеческой культуры, человеческой жизни. Разрушение единой ткани общественного бытия и сознания, замещение «агоры» одиночеством в виртуальном мире – в этом он видит угрозу человечеству: «...сознание фундаментально двоично. В зазеркалье же, где меняются местами левое и правое, все смыслы переворачиваются и начинается разрушение человеческого сознания. Аномальное знаковое пространство затягивает в себя все, что с ним соприкасается. Человеческое сознание аннигилирует и, попадая в ситуацию неопределенности, где все перемигиваются не то что двусмысленно, но многосмысленно, аннигилирует и человек: ни мужества, ни чести, ни достоинства, ни трусости, ни бесчестия. Эти “сознательные” акты и знания перестают участвовать в мировых событиях, в истории. Не имеет значения, что у тебя в “сознании”, лишь бы знак подавал. В пределе при этом исчезает

[1] «...Для меня эта внутренняя, углубленная в себя жизнь без агоры то же самое, что искание истины в уборной. Если бы у меня был талант Кафки, я бы описал сегодня эти душевные внутренние искания как фантастические, странные искания истины там, где ее по онтологическим законам человеческой жизни быть просто не может» [4, с. 119].

необходимость и в том, чтобы у людей вообще были какие-то убеждения. Веришь в совершающееся или не веришь – не имеет значения, потому что именно подаваемым знаком ты включаешься в действие и вращение колес общественного механизма» [4, с. 119]. Виртуализация стала фактом. И фактом стал порожденный ею «комплекс» общественного сознания – чувство утраты реальности жизни, утраты контроля над реальностью[1].

Рушатся традиционные представления о человеческой общности и общении, о человеческом сознании, построенные на представлениях об общей реальности, которая отражается в сознании, реальности, в контексте которой происходит общение и формируется общность и осуществляется взаимопонимание людей, взаимодействующих в общем для них пространстве и времени единого материального мира. В VI в. до н.э. Гераклит писал: «Для бодрствующих существует единый и всеобщий космос, из спящих же каждый отвращается в свой собственный». Для современного человека то, что все мы, бодрствующие, чувствуем, действуем и мыслим в едином и общем мире, уже не является очевидным. Взаимодействие между людьми, опосредованное виртуальной реальностью, при отсутствии очевидной опоры на объективную реальность совместного бытия и корекций образа мира на основе постоянно включенного механизма обратной связи, уже не обеспечивает переживания полноты и адекватности взаимного понимания в процессе взаимодействия, не обеспечивает переживания цельности личности партнера по общению и, как следствие, собственной личности. Границы личности в виртуальном мире размыты, а структура утрачивает определенность и тендирует к своего рода «мерцанию формы», что порождает болезненный комплекс проблем личности и общения у современного человека.

Комплекс острых и на сегодняшний день не разрешенных проблем человеческой культуры, порожденных виртуализацией современного общества, также оказывается частью предметного поля психологии, ложится бременем на «методологическое самосознание» нашей науки, порождая ощущение сомнительности ее прогресса.

Таким образом, мы приходим к заключению, что «методологические комплексы», сопутствующие нашему профессиональному самосознанию, есть не что иное, как следствие и отражение актуальных проблем развития человеческого общества, которым сопутствует переживание неразрешимых и мучительных противоречий в сознании современного человека. Эти проблемы порождены особенностями современного этапа человеческой истории. И самым непосредственным образом неразрешенность этих проблем рефлексируется в область «методологического самосознания» психологии, порождая ощущение **сомнительности прогресса** в нашей науке.

Среди этих проблем здесь были названы следующие:

- Дивергенция ценностей в современном мире, утрата веры в общечеловеческие, единые для всех, идеалы.
- Противоречия во взаимосвязи культуры и цивилизации, прогресса научно-технического и духовного.
- Утрата веры в благотворность науки и культуры. Противоречия в оценке места и роли культуры в обеспечении будущего человечества.
- Противоречия во взаимосвязи блага человеческого индивидуума и прогресса человеческого общества.
- Разрушение традиционных форм человеческого общения, человеческой общности и сознания человека в процессе виртуализации общества.

[1] Отражением этого комплекса стал фильм «Матрица» и подобные, последовавшие за ним.

II. Сомнения в прогрессе?

Список перечисленных проблем не претендует на полноту. Но уже названные позволяют ясно видеть, что комплекс важнейших и болезненных противоречий современной культуры, порожденных объективным ускорением хода человеческой истории, прямо относится к предметному полю психологической науки и ее «методологическому самосознанию». Общий вектор развития психологии в XX столетии был определен тем фактом, что к началу XX в. смена поколений уже не успевала за радикальными изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда на глазах коренным образом меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, представления о том, как следует поступать в той или иной ситуации. Проблема соотношения наследственного и приобретенного, пределов изменяемости человеческой психики, потенциальных возможностей развития и определяющих его факторов, объективно стала главной проблемой бурно развивавшейся психологической практики XX в. и заняла центральное место в психологических теориях, которые не только составили существенную часть культуры XX в., но оказались и важнейшим фактором развития этой культуры в целом. И на современном этапе развития общества значимость психологии в системе наук и в культуре в целом лишь возрастает. Именно психология призвана дать ответ на наиболее острые поставленные временем вопросы в силу своего статуса науки одновременно и естественной, и гуманитарной, науки о человеке во всей полноте и противоречивом единстве сторон и форм его бытия. Ни одна другая наука не может сделать этого в силу недостаточности своего предметного поля. **Прогресс психологии поэтому объективно необходим и неизбежен в контексте современного развития человеческой культуры**. Именно психология сейчас востребована как никакая другая наука, и ее «методологические комплексы» – не что иное, как болезни роста, сопутствующие неизбежному и ускоряющемуся – уже идущему – прогрессу.

Однако этот прогресс не может быть, не был и не будет ни всеобщим, ни равномерным. И здесь лежит еще один, внутренний, порожденный особенностями структуры самой психологической науки, источник сомнений в том, что психология прогрессирует.

Психологическая наука сегодня переживает период бурных и разноплановых изменений. После достаточно длительного периода так называемого кризиса психологии[1], в ходе которого мировая психологическая наука фактически распалась на независимые «империи», сегодня в мировой науке доминирует тенденция к интеграции. Важнейшим фактором интеграции мировой науки стало становление психологии в качестве профессии, что повлекло за собой необходимость единых стандартов психологической практики и образования, которые включали бы достижения различных школ. На наших глазах сегодня рождается целостная структура единой мировой науки, укрепляется взаимопонимание между школами и обмен информацией. Наряду с этим имеет место и обострение противоречий между направлениями, область психологии становится ареной борьбы различных течений. Так, в отечественной науке развернулись острые методологические дискуссии: об отношениях науки и вненаучных форм психологического познания [17], о предмете психологии [5], о взаимоотношениях

[1] Кризисом, в соответствии со сложившейся в литературе традицией (Ждан, Юревич и др.), здесь называется период в развитии мировой психологической науки, начавшийся в 70-х гг. XIX в., на протяжении которого мировая психология существовала в состоянии раздробленности, развивалась в контексте отдельных относительно независимых школ, в отсутствии единой теории и единых критериев валидизации научного знания.

естественно-научного и гуманитарного направлений [16], о парадигмальном статусе психологической науки [3].

В контексте последней дискуссии я разделяю точку зрения, что психология является наукой мультипарадигмальной. Сложная сетевая организация психологической науки как мультипарадигмальной адекватна многоплановости ее предметного поля. Соответственно, прогресс психологии мне видится как весьма дифференцированный. Оценка достигнутого в XX в. прогресса, как и место в науке XXI в., для разных школ представляются очень разными.

Особенно спорным и в то же время актуальным для отечественного профессионального сообщества является вопрос об оценке прогресса, достигнутого отечественной наукой, и о перспективах ее прогресса в ближайшем будущем.

Для отечественной психологии вхождение в формирующийся единый контекст мировой науки осложняется особенностями протекания предшествующего периода ее развития, когда общая тенденция раскола и относительной изоляции школ усугубилась политическими и идеологическими особенностями развития нашей страны, языковым барьером[1]. Зарубежные коллеги не имеют представления о развитии российской науки на протяжении большей части XX в., что приводит сегодня к восприятию ими нашей психологии как «развивающейся» провинции мировой науки, лишенной собственных теоретико-методологических корней, миссионерскому к ней отношению. На фоне имеющего место несимметричного срастания отечественной и зарубежной науки и радикальных изменений, произошедших в российской психологии в постсоветский период, среди российских коллег также достаточно широко распространено как весьма критическое отношение к достижениям российской психологии советского периода, так и мнение о недостаточной перспективности продолжения теоретико-методологических традиций данного подхода.

В то же время представляется, что потенциал этого направления далеко не исчерпан, что в психологии XXI в. весьма достойное место может принадлежать отечественной школе, в теории и методологии которой, в отличие от большинства великих школ западной науки XX в., делается упор на культурной формируемости «лица» человеческой психики, на отсутствии природной заданности свойств и самой структуры личности, что создает благоприятные предпосылки для конструктивного подхода к пониманию радикально новых явлений в развитии культуры, в том числе и названных в настоящей статье актуальных проблем и болезненных противоречий, порожденных объективным ускорением хода человеческой истории.

Заложенное в основу отечественной теории, восходящее к работам И.М. Сеченова и И.П. Павлова, представление о потенциальной противоречивости биологических и социальных программ и об их возможности оказывать взаимно отменяющие воздействия позволяет утверждать, что развитие и становление индивидуальности не предопределено ни биологической, ни социальной программой. С точки зрения отечественной психологии не существует «типового варианта» гармоничного человеческого

[1] Так об этом пишет А.В. Петровский: «Если до начала 30-х гг. все еще сохранялись контакты российских психологов с их зарубежными коллегами, то сразу же после года “великого перелома” эти связи стали очень быстро истончаться. “Железный занавес” опустился в середине 30-х гг., наглухо закрыв возможность включения трудов психологов... в контекст развития мировой науки... Только со второй половины 80-х гг. оказался возможным кардинальный поворот, снявший идеологическое табу, столько лет перекрывавшее путь к включению отечественной психологии в общий поток мировой психологической науки» [9, с. 43–44].

развития, ни заложенного природой, ни социально обусловленного – парадоксальная сущность человека заключается именно в том, что он творит себя сам, всегда и каждый раз по-новому. С точки зрения отечественной теории, социум уже не просто влияет на реализацию природной программы развития. Развитие личности предстает как сложное взаимодействие природной индивидной программы с интериоризуемой в процессе воспитания программой социального развития. Такой подход существенно углубляет представления о природе личности, пределах и возможностях ее изменения, развиваемые в зарубежных теориях, позволяет рассматривать обнажившиеся в культуре начала XXI в. противоречия как диалектические и открывает перспективы развития конструктивных подходов к пониманию новых явлений культуры и цивилизации.

Так дивергенция ценностных ориентаций в современной культуре драматически противоречит основным постулатам западных теорий, авторы которых разделяют веру в существование так называемых общечеловеческих ценностей (гуманистическая психология и др.). В контексте таких теорий отличная от "общечеловеческой" система ценностей рассматривается как аномалия, требующая исправления, в пределе насильственного исправления. С точки зрения отечественной школы, расхождение базовых ценностей получает объяснение как нормальный и естественный феномен. Здесь возможен поиск диалога и развитие понимания между разными культурными общностями.

В отношении противоречий во взаимосвязи прогресса индивидуума и прогресса общества заслуживает внимания диаметрально противоположный изложенному выше подходу К.Г. Юнга взгляд классиков отечественной школы на проблему функциональной специализации человека и развитие индивидных свойств в структуре субъекта деятельности, что особенно ярко проявилось в концепции индивидуальности Б.Г. Ананьева. Функциональная специализация, специализированное развитие функций, здесь рассматривается как единственно возможный путь к общей стабилизации и гармонизации развития человека, путь к гармоничной и целостной структуре личности, всегда индивидуально неповторимой.

Представляется, что именно отечественная теория в силу специфики своего подхода к природе человека как к сущности, подвергаемой радикальным изменениям в процессе исторического развития, обеспечивает, что немаловажно, и возможность формирования оптимистической картины мира у современного человека.

Таким образом, в контексте **неизбежного**, на мой взгляд, хотя и **не равномерного, не всеобщего и не повсеместного прогресса** психологии в XXI в. отечественные теория и методология представляются остро актуальными и обладают существенным потенциалом развития. Для того чтобы российская психология была воспринята мировым профессиональным сообществом как самобытная школа, необходима многоплановая и настойчивая работа российских психологов. В русле решения этой задачи особое значение имеет прояснение профессионального самосознания: переход от аморфных и внутренне противоречивых общих представлений о том, что представляет собой российская психология и какое место она занимает в контексте мировой науки, к образу четкому и дифференцированному, от понятия, по сути, географического к понятию концептуальному. Очевидно, что не все российские психологи придут в результате к единому мнению. Однако я полагаю, экспликация и прояснение имеющего место «сосуществования и сложного взаимодействия различных имиджей и позиций» [19, с. 12] являются необходимым условием обеспечения развития традиций отечественных теории

и методологии в мировой науке современного посткризисного периода.

Литература

1. *Голосенко И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.

2. *Иванов Д.В.* Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. СПб., 2002.

3. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб., 2006.

4. *Мамардашвили М.К.* Сознание и цивилизация // Как я понимаю философию. М., 1992. С. 107–121.

5. Методология и история психологии. 2006. № 1.

6. *Мироненко И.А.* Биосоциальная проблема в современной психологии и перспективы развития отечественной теории // Психологический журнал. 2005. № 1.

7. *Мироненко И.А.* О классификации концепций личности и имплицитных основаниях психологических теорий // Вопросы психологии. 2006. № 4.

8. *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? // Отечественные записки. 1869. № 9.

9. *Петровский А.В.* Психология в России: XX век. М., 2000.

10. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / под ред. Б.С. Ерасова. М., 1999.

11. *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. М., 1996.

12. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 94–142.

13. *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В.* Биология человека. М., 1979.

14. *Юнг К.Г.* Психологические типы. СПб., 1995.

15. *Юревич А.В.* Методологический либерализм в психологии //Вопросы психологии. 2001. № 5.

16. *Юревич А.В.* Естественно-научная и гуманитарная парадигмы в психологии, или Раскачанный маятник // Вопросы психологии. 2005. № 2.

17. *Юревич А.В.* Наука и паранаука: столкновение на «территории» психологии // Психологический журнал. 2005. № 1.

18. *Юревич А.В.* Психология и методология. М., 2005.

19. *Юревич А.В.* Социальные и когнитивные источники парадокса: предисловие // Образ российской психологии в регионах страны и в мире. Материалы форума. М., 2006.